

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ ТРАДИЦИОННОЙ КИТАЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Главная редакция восточной литературы
Москва 1984

1796 год начался пышной и беспрецедентной в истории Китая церемонией отречения императора, правившего под девизом Цянь-лун, от престола в пользу своего пятого сына Юн-яня, провозгласившего девиз правления Цзя-цин (1796—1820). Цянь-лун объяснял свое отречение тем, что не может править дольше своего прославленного деда императора Кан-си, державшего бразды правления 61 год. На деле «экс-император» сохранил за собой всю полноту власти, а точнее, все государственные дела остались в ведении его фаворита Хэ-шэня¹. Последние годы XVIII в. ознаменовались упадком цинской династии, о чем свидетельствовали разложение и коррупция, царившие в правящих кругах, ухудшение экономического положения страны, ослабление армии, усиление эксплуатации народа. Ответом на это были многочисленные выступления широких народных масс, самым крупным среди которых явилось восстание под руководством тайной секты Белый лотос. Первое открытое выступление произошло 15 февраля 1796 г. (через неделю после отречения Цянь-луна)². Восстание охватило шесть центральных и северо-западных провинций: Хубэй, Хунань, Хэнань, Сычуань, Шэньси, Ганьсу — и было с большим трудом подавлено лишь в 1804 г. Успехи повстанцев объяснялись, наряду с поддержкой широких народных масс, еще и слабостью правительственного лагеря. Цинские полководцы часто не решались вступать в открытый бой с восставшими, предпочитая преследовать их отряды на значительном расстоянии, а то и попросту отсиживать за стенами укреплений. Без зазрения совести, однако, «в докладах трону они всячески раздували успехи своих войск, нередко выдавая убитых ими пленных или местных жителей за „уничто-

¹ Хэ-шэнь (1750—1799), знатный маньчжур, любимец императора Цянь-луна. Оказывал огромное влияние на императора в течение последних 20 лет его жизни, вплоть до смерти императора. Занимал наиболее важные посты, фактически единолично управляя страной. Помощь ему оказывали родственники и приспешники, поставленные им на ключевые позиции. Хэ-шэнь беззастенчиво использовал свое положение для обогащения (при конфискации имущества после его ареста выяснилось, что его богатства не уступали императорским и равнялись национальному доходу за восемь лет). По своему произволу он мог возвысить или погубить того или иного чиновника, вызывая страх и ненависть окружающих. Подробнее о Хэ-шэне см. [32, с. 288—290, 369—373, 965—969; 37].

² Первый день 1796 г. (по лунному календарю) пришелся на 9 февраля.

женных в бою бунтовщиков“» [19, с. 87]. Кроме того, в цинской армии обычными явлениями были продажа чинов и должностей, взятки, присвоение офицерами солдатских денег и пайков. Все это вызывало недовольство в армии, ослабляло ее. Коррупция разедала в еще большей степени и государственный аппарат. В последнее десятилетие XVIII в. достигла апогея деятельность клики Хэ-шэня³, вызывавшая недовольство многих влиятельных сановников и самого императора Цзя-цина.

8 февраля 1799 г. скончался экс-император, и Цзя-цин поспешил отделаться от властолюбивого и могущественного временщика. Как обычно при смене правления, император Цзя-цин одобрял традиционное приглашение всем чиновникам, имеющим право обращаться с докладом непосредственно к трону⁴, высказываться по поводу состояния государственных дел и положения в стране, критиковать недостатки и злоупотребления, подавать советы. Вскоре императору был представлен доклад, в котором груп-

³ Деятельность клики Хэ-шэня и выступления отдельных чиновников против произвола временщика обстоятельно рассмотрены в статье Д. С. Нивисона [37]. Все попытки ненавидевших Хэ-шэня избавиться от него кончились неудачей. Он ловко оправдывался перед покровительствовавшим ему императором (ходили слухи, что Хэ-шэнь побочный сын Цянь-луна), а выждав удачный момент, наносил ответный удар, расправляясь со своими оппонентами. Избавиться от него стало возможно лишь после смерти Цянь-луна.

⁴ Правом обращаться с докладом непосредственно к императору среди различных чиновников пользовались сановники в ранге не ниже помощника министра или заведующего ведомством, а также цензоры, как столичные, так и провинциальные, а среди провинциальных чиновников — наместники, военные и гражданские губернаторы, главные судьи. Назывались они *янь гуань* «говорящие (высказывающиеся) чиновники» и *цзянь чэнь* «укоряющие (критикующие) подданные». Обычно этим правом пользовались преимущественно цензоры. Остальные предпочитали дожидаться специального призыва императора (*чжао*) высказаться по тому или иному вопросу. *Сюоцям* и чиновникам не столь высоких рангов запрещалось подавать доклады трону. Они могли обратиться лишь к своему непосредственному начальству, которое передавало обращения подчиненных вверх по инстанции. Существовала тщательно разработанная классификация документов и порядок их оформления и подачи. Основные типы петиций — *тибэнь* (в них излагались различные гражданские дела местного значения) и *цзоубэнь* (в этой форме излагались более важные вопросы или личные дела). *Цзоубэнь* от столичных чиновников передавались императору через секретарей архива, которые каждый день на рассвете принимали их у дворцовых ворот. Петицию по личным делам надлежало подавать лично; исключение делалось для князей и лиц старше 60 лет. Секретари передавали петиции евнухам, которые подавали их императору. Цинские императоры ежедневно рано утром знакомились с представленными петициями и передавали их в военный совет со своей резолюцией. Иногда императоры в обычную процедуру вносили некоторые изменения. Так, одним из важных обвинений против Хэ-шэня было его распоряжение снимать копии с петиций императору Цянь-луну для представления их в военный совет. Император Цзя-цин отменил эту практику.

В случае, если чиновник обращался к начальству, и тем более к императору, не в той форме, которая предписывалась, нарушал субординацию, адресуясь к высшему начальству через голову своего непосредственного, дело его передавали в министерство наказаний для расследования и вынесения приговора [20, с. 524; 33, с. 41—61; 37, с. 220].

па цензоров обвиняла Хэ-шэня в целом ряде преступлений. Уже 12 февраля первый министр был арестован, а 22 февраля приговорен к смерти и покончил с собой⁵. Однако император не считал нужным наказывать также и приспешников Хэ-шэня. Такой компромисс не мог не вызвать недовольства крупных столичных и местных чиновников, многие из которых пострадали от козней клики Хэ-шэня. С критикой половинчатой политики императора выступил известный литератор и видный сановник, член академии Ханьлинь Хун Лянцзи, состоявший в тесной дружбе со многими непримиримыми врагами Хэ-шэня.

Остановимся несколько подробнее на личности Хун Лянцзи и его деятельности⁶.

Хун Лянцзи (1746—1809) родился в деревне Цзосянхуацяоли уезда Янху округа Чанчжоу провинции Цзянсу в чиновничьей семье. Среди предков и родичей Хун Лянцзи было немало видных ученых и литераторов, занимавших важные посты. Сам Хун Лянцзи «ступил на стезю учености» очень рано: к четырем годам он уже знал 700—800 иероглифов и начал учить «Да сюе» и «Чжун юн». В возрасте пяти лет он учил «Лунь юй», а затем «Мэн-цзы», «Шицзин». К тринадцати годам были пройдены «Ли цзи», «И цзин», «Чунь цю», «Цзо чжуань». К этому же времени относятся и первые литературные опыты. Хун Лянцзи рано осиротел: ему было шесть лет, когда умер отец. Оставшись без средств к существованию, мать Хуна переехала с детьми — двумя сыновьями и тремя дочерьми — в свой отчий дом, в семью Цзян. В 1768 г. Хун Лянцзи женился на своей двоюродной сестре, дочери старшего брата матери. В 1769 г. Хун сдал экзамены на степень сюэя⁷. Ему долго не удавалось получить следующую степень, трижды преследовала его неудача на провинциальных экзаменах (в 1770, 1771, 1774 гг.). В этот период Хун подружился со многими талантливыми молодыми людьми своего времени, среди которых были яркий поэт Хуан Цзинжэнь и крупный философ Чжан Сюечэн. Вместе с Хуан Цзинжэнем они служили в секретариате Чжу Юня,

⁵ Эта поспешность объясняется личной неприязнью императора Цзя-цина к первому министру, фактически узурпировавшему власть и строившему козни против сановников, преданных Цзя-цину.

⁶ Другие имена и прозвания Хун Лянцзи: Цзяньчжи, Чжицунь, Бэйцзян, Гэншэн. Последнее прозвище (Гэншэн — «Вновь рожденный») Хун Лянцзи взял после возвращения из ссылки.

Сведения о Хун Лянцзи почерпнуты нами из справочников, биографии *нянь-лу*, императорских указов, работ по истории и литературе Китая [19; 21; 31; 32; 35; 37; 40; 42; 43]. Оценку места и роли Хун Лянцзи в истории китайской литературы см. [21, с. 178—179].

⁷ Сюэяй, или *шэньюань* — первая ученая степень, которую получали выдержавшие уездные экзамены. Следующую степень — *цзюйжэня* — получали славшие провинциальные экзамены, высшая степень — *цзиньши* присваивалась выдержавшим столичные экзамены. *Цзиньши* получали право стать членами академии Ханьлинь. Удачливыми кандидатами считали тех, кто получал степень *шэньюаня* в

уполномоченного по образованию в провинции Аньхой. Позже Хун служил помощником Ван Цзе, уполномоченного по образованию в провинции Чжэцзян. Здесь в 1776 г. его застало известие о смерти матери. По истечении трехлетнего траура Хун Лянци отправился в Пекин, где получил место редактора в комиссии по составлению «Сыку цюаньшу». В следующем году (1780) Хуну, наконец, сопутствовал успех — он выдержал провинциальные экзамены и получил степень *цзюйжэня*. Однако, провалившись весной 1781 г. на столичных экзаменах на степень *цзиньши*, Хун Лянци поступил секретарем к губернатору провинции Шэньси Би Юаню и уехал в Сиань. Затем он служил в Кайфэне и Учане вплоть до 1790 г., когда после четырех провалов (в 1781, 1784, 1787, 1789 гг.) ему удалось сдать экзамен на степень *цзиньши* и стать членом академии Ханьлинь, получив должность редактора второго разряда (*бяньсю*). В 1792 г. Хун Лянци получил место помощника экзаменатора, проводившего провинциальные экзамены на степень *цзюйжэня* в столичной провинции Шуньтянь. С 1793 по 1795 гг. Хун служил в провинции Гуйчжоу инспектором просвещения. После возвращения в столицу Хун Лянци в 1797 г. был назначен в императорскую школу для великих князей, став наставником великого князя И-чуня. 12 апреля 1798 г. Хун отличился на квалификационном экзамене для высших столичных чиновников (*дажао*)⁸. Сочинения писались на три темы, утвержденные императором: ода «Лягушка в колоде», стихотворение «Весенний дождь обилен», доклад «О пресечении еретических учений»⁹. В докладе

24 года, *цзюйжэня* — в 30 лет, *цзиньши* — в 35 лет. Хун Лянци никак нельзя было считать удачливым, поскольку, сдав первый экзамен в 23 года, экзамен на степень *цзюйжэня* он выдержал в 34 года, а на степень *цзиньши* в 44, пройдя весь путь от *шэньюаня* до *цзиньши* за 21 год.

Все, выдержавшие экзамены и получившие степень, должны были в обязательном порядке сдавать квалификационные экзамены для сохранения своего статуса. Самый важный из них — *суйши* — сдавался раз в три года. Не принявшие участия в трех *суйши* по неуважительным причинам (уважительной причиной считался траур) лишались овоей степени.

⁸ *Дажао* — квалификационные экзамены для высших столичных чиновников — членов академии Ханьлинь и чиновников канцелярии наследника. Проводились раз в несколько лет по указу цинских императоров. Темы сочинений давал сам император.

⁹ Экзамены в период Цин состояли из трех частей. В начале правления маньчжуров первая часть экзамена включала три эссе на текст «Четверокинжия» и четыре — на другие классические книги. Вторая часть состояла из одного сочинения, одного доклада и пяти заключений, судебных приговоров. В третьей части предлагалось осветить пять тем по экономическим, политическим и другим актуальным проблемам управления. В дальнейшем в разное время исключали одни темы или перемещали их из одной части в другую. Время от времени поднимался вопрос об отмене сочинений на темы конфуцианских классиков и замене их темами дискуссионными, освещавшими текущие события. В 1757 г. были отменены сочинения (доклады, петиции и заключения), а было предложено сочинение стихов. В 1793 г. из экзаменов было исключено эссе по неоконфуцианству. На рубеже XVIII и XIX в. в экзаменах сочинениях обсуждалось лишь филологические проблемы, наблюдалось полное преобладание конфуцианских классиков. В XIX в.

Хун Лянцзи резко и смело писал о недостатках и злоупотреблениях, царящих в столице и на местах. Экзаменаторы, поначалу сильно напуганные смелостью автора экзаменационного сочинения, тем не менее высоко оценили успехи Хуна¹⁰. 15 апреля он удостоился аудиенции у экс-императора Цянь-луна и был занесен в почетный список. Получив вскоре известие о смерти младшего брата, Хун испросил отпуск по случаю траура и отправился на юг, в родную деревню. Здесь его застала весть о кончине императора Цянь-луна, в связи с чем он был вызван в столицу для участия в погребальных обрядах, а также для составления официальных хроник покойного императора Гао-цзуна. Осенью 1799 г., закончив работу по составлению хроник, Хун Лянцзи получил отпуск и собирался вернуться на юг. Находясь в столице, Хун постоянно слышал неутешительные вести о военных действиях против повстанцев, действовавших в провинциях Сычуань и Шэнси, о выступлениях крестьян в провинциях Хубэй и Аньхой. В это же время был обнародован императорский указ об изыскании средств для выплаты жалованья солдатам. Удрученный обстановкой в стране и считая, что от императора утаивают истинное положение вещей, Хун Лянцзи отважился на смелый шаг. 23 сентября он, не имея по своему рангу права обращаться к императору непосредственно, подал письмо великому князю Чэну, в котором откровенно выразил недовольство тем, что император позволяет недостаточным людям вводить себя в заблуждение, уделяет недостаточное внимание делам управления страной, а главное — не спешит наказывать приспешников Хэ-шэня (об этом письме и указе императора подробнее будет сказано ниже). Две копии письма Хун передал своим друзьям сановникам Чжу Гую и Лю Цюаньчжи. Император был разгневан не только содержанием письма, но и нарушением порядка подачи петиции — не прямо императору или через специальных, уполномоченных на то придворных, а в форме частного письма, врученного трем лицам: Последовало быстрое расследование и строгий приговор «смертная казнь за чрезвычайное неуважение [правил]». Император смягчил приговор, вынесенный военным советом совместно с министерством наказаний, заменив казнь

в первой части экзаменов требовалось написать эссе на текст «Четверокнижия» и сочинить стихотворение, во второй — по «Пятикнижию», а в третьей — написать сочинение по предложенным дискуссионным проблемам. Большое внимание обращалось на форму сочинений и каллиграфию, особенно на дворцовых экзаменах. Если сочинение по содержанию получало высшую оценку, но каллиграфия признавалась не слишком изысканной, сочинение в целом оценивалось как среднее [29; 30; 34]. О цинской экзаменационной системе см. также [3; 4; 26, с. 9—10; 27, с. 170—175].

¹⁰ Хун Лянцзи удостоился аудиенции императора Цянь-луна и прочих почетей, получив второе место третьей категории вместо первого места второй категории, которое вначале намеревались, но не решились ему дать перепуганные экзаменаторы.

ссылкой в недавно завоеванную Джунгарию (в современной провинции Синьцзян). Уже 26 сентября Хун Лянцзи покинул столицу и, распрощавшись с родными и друзьями, проводившими его до Лугоуцяо, отправился в дальний путь на запад. Проехав через Сиань и Ланьчжоу, он достиг места назначения (г. Хуэйюань) лишь 5 марта следующего, 1800 г., пробыв в пути 161 день.

Между тем весной того же года окрестности столицы страдали от сильной засухи. Обычные в таких случаях молитвы и амнистии не возымели действия. 17 мая император лично совершил жертвоприношение на алтаре духов земли и злаков. Прошло десять дней, но дождя все не было. Тогда император решил амнистировать Хун Лянцзи, хотя тот и не пробыл в ссылке необходимых для этого трех лет. 26 мая Цзя-цин подписал указ об освобождении Хуна, а после полудня пошел проливной дождь, продолжавшийся всю ночь. В ознаменование этого события император написал стихи, которые впоследствии открывали собой собрание сочинений Хун Лянцзи. Уже 19 июня императорский указ был доставлен командующему пограничными войсками Илийского края, а 22 июня Хун Лянцзи покинул место своей недолгой ссылки и отправился на восток, держа путь в родную провинцию Цзянсу. В 1802 г. он был приглашен на место директора академии Янчуань в Цзиндэ (провинция Аньхой). В последние годы жизни Хун много путешествовал по юго-востоку Китая, совершая поездки в места, славившиеся своими пейзажами или достопримечательностями. После одной такой поездки он заболел и через два месяца умер.

Хун Лянцзи был известен как поэт и литератор, слава его в молодые годы соперничала с известностью поэта Хуан Цзинжэня. Почитался он и как каллиграф, особенно почерков *чжуань* и *ли*. Однако наибольший вклад сделан им в области географии. Помимо целого ряда географических описаний провинций, дневника путешествия в Или («Или жи цзи»), он оставил географию империи «Цянь лун фу тин чжоу сянь чжи» («Описание округов, областей, уездов в период Цянь-луна»), напечатанную в 1803 г., работу о речной системе провинции Гуйчжоу «Гуй чжоу шуи дао као» («Исследование речных путей Гуйчжоу»), а также три работы по исторической географии: «Дун цзинь цзян юй чжи» («Описание территории Восточной Цзинь»), «Ши лю го цзян юй чжи» («Описание территории шестнадцати царств»), «Бу сань го цзян юй чжи» («Дополнение к описанию Трех царств»). Среди исследований философских и классических сочинений следует упомянуть «Чунь цю цзо чжуань гу» («Толкование Чунь цю и Цзо чжуань»), «Лю шу чжуань чжу лу» («Перечень видоизмененных иероглифов Шести-книжия»), «Хань вэй инь» («Рифмы периодов Хань и Вэй»).

Известный специалист по исторической географии и конфуцианским классикам, Хун Лянцзи был признанным мастером *пянь-*

ливэнь — прозы параллельного стиля¹¹. В 20—30-е годы текущего столетия внимание специалистов привлекла его теория народонаселения, напоминая в некоторых отношениях теорию Мальтуса, сформулированная, однако, совершенно самостоятельно и значительно раньше, чем теория английского философа¹².

Многочисленные прозаические и стихотворные сочинения Хун Лянцзи объединены в три сборника: «Цзюань ши гэ цзи» («Собрание сочинений из кабинета Цзюаньши»), «Гэн шэн чжай цзи» («Собрание сочинений из кабинета Гэншэн»), «Фу цзи сюань цзи» («Собрание сочинений с террасы Фуцзи»).

Полное посмертное собрание сочинений Хун Лянцзи («Хун Бэйцзян и цзи») было опубликовано в 1889 г. В него вошло 24 названия — все, написанное Хун Лянцзи, за исключением географических описаний провинций.

Ниже мы рассмотрим несколько подробнее доклад «О пресечении еретических учений» — сочинение Хун Лянцзи на квалификационном экзамене 12 апреля 1798 г. для высших столичных чиновников и членов академии Ханьлинь, а также императорские указы от 26 сентября 1799 г. и 26 мая 1800 г., сыгравшие огромную роль в судьбе Хуна. Доклад интересен не только своим содержанием, но и тем обстоятельством, что он обратил на себя внимание русских китаеведов прошлого века П. И. Каменского и С. В. Липовцова, переведших на русский язык оказавшиеся в их распоряжении две трети доклада.

Павел Иванович Каменский (1765—1845), в монашестве Петр, «нижегородской семинарии, бывший прежде определения в ученика, народным учителем, а потом в должности Санктпетербургского

¹¹ Хун Лянцзи использовал стиль *пяньливэнь* в личной переписке. Чэнь Шоун приводит письмо Хун Лянцзи другу и земляку, известному ученому и крупному чиновнику Сунь Синъяню, в котором использован этот стиль [31, с. 569—570].

¹² Хун Лянцзи считал, что рост средств существования и народонаселения не находится в прямой зависимости: за сто лет народонаселение может увеличиться от пяти до двадцати раз, а средства существования — лишь от трех до пяти раз; большое число людей не производит продуктов питания и зависит от производящих их; стихийные бедствия и эпидемии не могут удерживать рост народонаселения; с ростом народонаселения уменьшается количество продовольствия; с ростом населения удешевляется труд, но цены на продукты повышаются; условия жизни будут ухудшаться, увеличится число безработных; при существующем неравенстве распределения материальных благ бедные и безработные будут первыми жертвами голода, холода, болезней и стихийных бедствий. Хун Лянцзи не считал эффективными ни естественные средства, к которым он относил стихийные бедствия и эпидемии, ни искусственные, к которым он относил правительственные акции. Для сдерживания роста населения и облегчения положения народа правительство, как полагал Хун Лянцзи, могло оказать помощь крестьянам в культивировании земель, переселить народ из перенаселенных районов на целинные земли, могло снизить налоги, запретить ненужные расходы и роскошный образ жизни; уравнивать материальные блага; открыть государственные амбары и оказать помощь нуждающимся. Однако все эти меры Хун Лянцзи не считал эффективными для решения проблемы в целом, чем и объяснялся его пессимизм [36, с. 248—250].

воспитательного дому надзирателя» [2, с. 38], в 1794—1808 гг. был учеником в составе восьмой русской духовной миссии в Пекине. В 1820—1830 гг. архимандрит Петр возглавлял десятую миссию. «На место архимандрита Иакинфа определен в Пекин и произведен в Александровской лавре во архимандрита коллежский асессор и переводчик при иностранной коллегии мунгальского и маньчжурского языков Павел Иванович Каменский» [2, с. 46]. По возвращении из Пекина Каменскому предлагали архиерейский сан, но он отказался и удалился с пенсией в 2 тыс. рублей серебром в Городецкий монастырь Балахнинского уезда Нижегородской губернии, где и умер [2, с. 48]. Наибольший интерес для нас представляют годы пребывания в Пекине, вначале учеником миссии, когда он усердно изучал китайский и маньчжурский языки и много с них переводил, а затем главой миссии, когда он создал самые благоприятные условия для работы всем членам и ученикам миссии, хотя сам научной работой и не занимался¹³.

Степан Васильевич Липовцов (1770—1841), родом из Самарской губернии, учился в Казанской семинарии, откуда был взят в восьмую миссию учеником. В Пекине С. В. Липовцов с успехом занимался изучением китайского и маньчжурского языков, перевел историю династии Цин и другие материалы. По возвращении в Петербург С. В. Липовцов получил должность переводчика с китайского и маньчжурского языков Азиатского департамента и исполнял ее до конца своих дней. К этому времени относится выполненный им перевод «Китайской истории династии Дай-мин», а также ряд значительных работ в области маньчжуристики. С. В. Липовцов был в большой дружбе с П. И. Каменским, о чем свидетельствует их совместная работа, в частности, над составлением в 1818 г. каталога китайских и японских книг библиотеки Академии наук [24, с. 133].

Совместной же работой П. И. Каменского и С. В. Липовцова был, по нашему мнению, и перевод доклада Хун Лянцзи¹⁴. Перевод сохранился в трех вариантах. Один хранится в Архиве востоковедов Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, а два других — в Архиве внешней политики России МИД СССР¹⁵.

¹³ Подробнее о П. И. Каменском, его деятельности и роли в русском Китаеведении см. [17; 18; 24].

¹⁴ В этом мнении нас укрепляет анализ автографов П. И. Каменского и С. В. Липовцова [9; 10; 11; 12; 15], их тесная дружба и сотрудничество, наличие работ, написанных в соавторстве [13; 14].

¹⁵ Вариант перевода, хранящийся в Архиве востоковедов [28], озаглавлен иначе, чем варианты, хранящиеся в Архиве внешней политики России; см. [24, с. 406—407]. Мы пользовались вариантом перевода из Архива востоковедов, который, к сожалению, не имели возможности сравнить с вариантами из АВПр.

Перевод доклада Хун Лянцзи, выполненный Каменским и Липовцовым, уже публиковался нами с некоторыми сокращениями [1, с. 50—53].

**ДОКЛАД О ПРЕСЕЧЕНИИ МЯТЕЖЕЙ,
ПРОИЗВЕДЕННЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМИ РАЗНЫХ СЕКТ,
ПОДНЕСЕННЫЙ ИМПЕРАТОРУ ЦЯНЬ ЛУНУ
УЧЕНЫМ КИТАЙСКИМ ЧИНОВНИКОМ
ХУН ЛЯНЬ ДЗИЕМ¹⁶**

Бесчисленные толпы несмысленной черни, собравшейся в Хубейской и Сычуаньской губерниях, поправ закон и совесть, разлили пламя мятежей, как в оных губерниях, так и в смежных с оными. Все места и селения, которыми проводила их необузданная дерзость, разграблены и конечным опустошены огнем. Сия пагубная необузданность, приняла начало свое не от желания производить важные предприятия; но сохранение и продолжение собственной жизни возродили оную. Известно, что много тому лет прошло, как возникли в оных губерниях секты различных вер, как то боляньской¹⁷, христианской, багуаской¹⁸ и других, конх начальники наперерыв один пред другим выхваляли свою веру и последователям своим обещавали мир и благополучие. Несмысленная чернь, склонная к новостям всякого рода, ослепившись мнимым благополучием, хотя оставила веру отцов своих и последовала их учению, но без намерения производить каковые-либо движения в общежитии, что и сохраняла до настоящих времен. А как гнусным корыстолюбием ослепленные поместные чиновники, забыв должность и присягу, под разными предлогами начали поступать с народом самым недостойным образом и, чиня незаконные поборы, не только лишали бесчисленное множество из них собственного их достояния, но и самую жизнь их сделали для них несноснейшею. К сему присоединилось тогда возмущение хунаньских мяодзыев¹⁹, которое произошло потом движение во многих смежных губерниях; ибо чернь, озлобленная грабительством поместных чиновников, на-

¹⁶ Название дано переводчиками [28]. Перевод публикуется нами полностью, с припиской переводчиков, с сохранением транскрипции китайских имен и названий.

¹⁷ Байляньцзяо — учение Белого лотоса, самая крупная и известная тайная религиозная секта, игравшая заметную роль в разные периоды китайской истории. Истоки ее восходят к религиозным сектам амидаистского толка V в., однако лишь в XIV в., в борьбе против монгольских правителей секта стала боевой организацией, принимавшей активное участие в политических акциях. В 1796—1804 гг. проходило самое крупное антицинское крестьянское восстание, подготовленное, поднятое и руководимое сектой Белого лотоса. История этой секты, ее учению и деятельности посвящено немало книг и статей; библиографию см. [23, с. 168—184].

¹⁸ Багуацзяо — учение «восьми триграмм», другое название — учение «небесного разума» Тяньлицизяо, ответвление секты Белого лотоса. Члены этой секты принимали самое активное участие в антицинских выступлениях, а в ходе восстания, поднятого в 1813 г., атаковали императорский дворец в Пекине.

¹⁹ Хунаньские мяо неоднократно выступали против маньчжурских правителей. В 1795 г. они присоединились к восстанию народности мяо, охватившем поразительные районы провинций Сычуань, Хунань и Гуйчжоу.

чала восставать против оных. То последователи вышеобъявленных сект, употребив сей случай к освобождению себя от несносного ига, незаконных своих грабителей, принялись за оружие, которым стараются защищать только жизнь свою, не рассматривая пагубных следствий, которым подвергают других. Вот существенная причина нынешних мятежей!

Я, подданнейший раб твой, государь! не нахожу нужным производить с сими мятежниками-формальную войну, и неизбежная погибель постигнуть их не уместит. Причины, побудившие меня к такому мыслям, суть следующие: от самой глубокой древности до настоящих времен появлялись различные и с оными мятежи, но при самом, так сказать, рождении исчезали. Например: Джан дэй²⁰ и Джан лу²¹ завели новую секту под конец ханьской династии, секта под именем ми дзей²² во времена разделенного Китая на шесть особенных государств, также в династии танских императоров; Ван дзе²³ в сунской, в минской же династии Лю лю, Лю ци²⁴, Тан Сай эл²⁵, Джао фындзы²⁶, Сюй Хун жу²⁷ и прочие им подобные. Но все сии возмутители общественного покоя появлялись в такое время, когда императоры или посрамляли высочайшую власть свою всякого рода пороками, или же не имели довольных сил к поддержанию величия своего, а государственное правление находилось в руках незаконных расхитителей империи. Но при всем том вышеобъявленные оные скопища с их предводителями истреблены были в непродолжительном времени. Что же касается до настоящей преславнейшей Дайцинской династии, начиная с самого великого основателя оной до самого премудрого и благословенного правления твоего, Государь! мудрость, прозорливость и неограниченное человеколюбие украшают величие ваше и

---

²⁰ Чжан Цзяо (или Цзюе) — проповедник даосской секты Путь великого благоденствия (Тайпиндао), под руководством которого в 184 г. началось крестьянское восстание Желтых повязок.

²¹ Чжан Лу — проповедник даосской секты Пять доу риса (Удоумидао), поднявший антиханьское восстание на западной окраине империи и контролировавший освобожденную территорию в течение 30 лет (до 215 г.).

²² Имеется в виду даосская секта Удоумидао, с которой слилась секта Тайпиндао после поражения восстания Желтых повязок.

²³ Ван Цзэ — руководитель восстания 1047 г. в г. Бэйчжоу (совр. Цинхэ пров. Хэбэй). Восстание было подготовлено сектой Милцзяо — Учение Майтреи.

²⁴ Братья Лю Шестой и Лю Седьмой, руководители восстания 1509 г., вспыхнувшего в столичной области и распространившегося на территорию провинций Шаньси, Шаньдун, Хэнань, Хубэй, Аньхой, Цзянсу. Восстание было подавлено в 1512 г.

²⁵ Тан Сайэр — руководительница восстания 1420 г. в Шаньдуне, организованного сектой Белого лотоса.

²⁶ Чжао Фэнцзы (или Чжао Суй) — мелкий феодал, один из руководителей восстания 1509—1512 гг. (см. примеч. 24).

²⁷ Сюй Хунжу — около 20 лет руководил шаньдунской сектой Белого лотоса, насчитывавшей не менее двух миллионов последователей. В 1622 г. поднял крестьянское восстание, продолжавшееся четыре года.

укрепляют высочайший престол ваш. Кому не известно, что нужды народа как от блаженных предков твоих, так и от тебя, Государь! почитались и почитаются своими собственными, и яко чадолюбивый отец с прискорбием зриаешь на недостатки подданных твоих, для поправления коих нередко выдаваемо было из государственных сокровищ целыми миллионами. Весь свет знает сие, знают также и чувствуют нынешние мятежники с их предводителями таковые бесприкладные милости человеколюбивого сердца твоего; но не могли перенести чрезвычайных утеснений поместных начальников, с принятием оружия оскорбили твое величество и нарушили драгоценный даже для них самих покой твой, а чрез то соделались достойными наилютейших казней. Такое чувствованье обезоружит их, а раскаяние разорвет союз их в скором времени. Для сих причин не нахожу нужным производить с ними формальную войну.

Еще дерзаю всеподданническою моею просьбою утрудять бесконечное великодушие твое, да по благости твоей повели военачальникам твоим снисходительнее и разборчивее поступать с теми несчастными людьми, которые насильственным образом принуждены мятежниками принять оружие против войск твоих. Ибо мятежники для умножения сил своих все города и селения, на пути ими сметаемые, ограбив и истребив огнем, принудили невинный народ последовать себе и участвовать во всех злодеяниях. К умножению же большего их несчастья, поместное начальство, желая получить оставшееся после расхищения и пожара именно, вместо защищения и одобрения как оставшихся на месте, так и возвращающихся от мятежников, злодейским образом прогоняет от оставшихся развалин домов их, а чрез то повергает в крайнейшее отчаяние. В таком случае разбойники, к которым они прибегают по необходимости, становятся их покровителями, а начальники, от коих должны ожидать всякого покровительства, учинились для них злейшими разбойниками. И так к избежанию опасности есть ли другое средство, кроме последования велениям мятежников. Прошло уже три года, как возникли мятежи сии, коих пламя распространилось по многим губерниям; чем далее пламя сие распространяется, тем более опустошаются города и селений; а бесчисленное множество народа, не имеющего по истреблении домов их никакого пристанища, по необходимости следует за мятежниками, которые при каждом сражении с нашими войсками поставляют их на переди, при отступлении же — позади, дабы вместо них и сражались и защищали. После таковых сражений часто присылаются к тебе, Государь! от полководцев реляции о одержанных победах, с означением числа побитых мятежников; в иной несколько тысяч, а в другой столько-то десятков тысяч. Но кто сии побитые? Лишенная всякого пристанища и защиты, сожаления достойная чернь, а не истинные мятежники. Сверх сего можно ли

побить всех тех, которые, присоединяясь к мятежникам, составляют ныне несколько миллионов человек и множеством своим наполняют целыя провинции и области? Положим, что всех их побить можно; но толикий обладатель, коего человеколюбие беспредельно и милосердие неизглаголанно, едва ли не содрогнется при таком решительном определении. Следовательно, нужно изыскивать к спасению их другие средства, и, во-первых: по слабому моему понятию нахожу полезным, показать путь всем, которые имеют волю и желание, оставя мятежников, возвратиться на прежние [места] под зашитою нашего войска; во-вторых, поселить несогласие между сообщниками и действительными мятежниками, а тем разделить их между собою. По отступлении первых означатся все мятежники, и тогда-то, наступивши на них, поразим мечом праведного гнева без пролития неповинной крови; третье: поместных чиновников нужно ограничить строгим образом для пресечения производимых ими злодеяний, которые в течение двадцати лет во сто крат увеличились пред прежними. Они, дерзновенно поправ священные права законов и во зло употребив возложенную на них сыном неба должность, по собственному произволению разоряют народ и доводят оный до отчаяния. Я, нижайший раб твой, получил достоверное известие, что Хубейской губернии в Даджеуском округе, также в Ичанском Сычуанской губернии, хотя находилось великое множество народа, прилепившегося к некоторым сектам, но при всем том, занимаясь порядочным домостроительством и благоустройством семейств своих, никогда не дерзали нарушать тех должностей, которыми обязаны Государю и отечеству. Равным образом думаю и о всех последователях различных сект. Что ж касается до производимых ими ныне мятежей, то главною причиною оных полагаю поместных чиновников: ибо они, занимаясь собственными выгодами, оставили должность свою в небрежении, и при открывшихся некоторых движениях со стороны ими утесненных, вместо принятия благоразумных мер к пресечению оных, уличая каждого последователем развратного учения, поступили с ними с толикою суровостию, что жизнь и имение подверглись беззаконному их произволению. С таковою жестокостию доколе преследовать оных не преставали, пока не принудили оставить дома, приняться за разбой, а наконец, за мятежничество. Итак, прошу тебя, Государь! рассмотреть дела ныне производимых мятежей и причины начатия оных. Если рассмотрены будут деяния поместных начальств и уличенные в злодеяниях получат достойное наказание, то не только невинная чернь избавится от несносного угнетения, но и самые мятежники и последователи разных сект не будут иметь причин к неудовольствию на правительство.

Главнейшие злоупотребления нынешних страноначальников можно разделить на три класса; и, во-первых, когда последует высочайшее повеление производить хлебную выдачу из казенных

житниц в годы, урожаем скудные, дабы тем облегчить нужды народа, тогда поместные начальники, разделив между собою следующую к выдаче пропорцию, объявляют народу, что назначенный в раздачу хлеб остается в житницах в счет недоимок за прежние годы, а чрез то оставляют жизнь народа голодной смерти. Итак, хотя высочайшие милости к народу беспредельны, но он не имеет в них никакого участия и остается на произвол судьбы. Сие есть первое и главнейшее злодеяние их.

В мирное время ложным образом получают жалованье на солдат, но оных никогда налицо не бывает; при открывшихся же военных действиях, чрез собранное ими незаконным образом богатство, не только освобождаются от достойного наказания, но еще стараются получить особенное награждение и новые чины. Земские чиновники обманывают и подкупают областных, а сии губернаторов и генерал-губернаторов. Но что сего может быть недостойнее, когда важные сии власти, то есть губернаторы и генерал-губернаторы, не срамятся обманывать освященное величество твое, а чрез то скрывают от тебя состояние народа ими расхищаемого, вот второе и главнейшее злодеяние; в чем же состояло третье их злоупотребление, того в полученной нами копии почти совсем изорванной не было, и при всем нашем усиллии не могли достать целой и полной копии.

Император Цянь лун, прочитав сию бумагу, повелел верховному совету рассмотреть оную и сделать заключение. А как тогдашнее министерство, употребившее в свою пользу старость императора, наипаче же первейший его министр и наперсник Хо шень, нашел оную бумагу не только весьма смелой, но и пререкающей тогдашнее правительство, которое находилось в его руках. То в отмщение ему за сие умел внушить престарелому императору, приобыкшему внимать его советам, что Хун Лянь дзи защищает бунтовщиков и поносит правительство, за что должен подвергнуться всей строгости законов. Император, поверив ему, повелел по лишении всех чинов поелать в ссылку на Илю. Настоящий император, будучи тогда наследником, узнав об участии Хун Лянь дзия, сказал: «Когда я приму правление, то непременно, возвратив его из ссылки, учиню ближайшим при себе чиновником», что действительно и исполнил. Ибо вскоре по смерти старого императора особенным указом повелел ему быть немедленно ко двору. Когда же Хун Лянь дзи предстал пред него, то и получил прежние чины и удостоен был многих вопросов касательно правления. Потом, приказав ему подать о том же на бумаге, отпустил от себя. На другой день отважный Хун Лянь дзи подает бумагу, в которой между прочим описывает злоупотребления первейших чинов, при дворе и в столице находящихся, в том числе коснулся самого им-

ператорского учителя. Император, удивясь прямому выражению его мыслей, не рассудил оставить при себе, а приказал жить ему праздно в собственном его доме с пенсией 200 лан серебра, и не мешаться более в дела правительства [28, с. 53а—56б].

Как видно из этой приписки, П. И. Каменский и С. В. Липовцов ошибочно приняли доклад — экзаменационное сочинение, написанное 12 апреля 1798 г. — за письмо от 23 сентября 1799 г., написанное уже после смерти императора Цянь-луна и его фаворита Хэ-шэня.

Сравнив перевод с оригиналом доклада, опубликованным в антологии цинских документов «Сборник докладов государственных деятелей правящей династии» [45, с. 18а—20а] и в «Собрании сочинений из кабинета Цзюаньши» [44, с. 103—104], мы пришли к выводу, что он в целом правильно передает смысл. По всей видимости, у переводчиков был иной вариант доклада — «рукопись без конца», как сказано в приписке после обрыва перевода. Об этом же свидетельствует наличие некоторых небольших различий, например, в перечне восстаний и их предводителей. Кстати, приписка помогает установить нижнюю границу времени перевода. Из нее ясно, что переводчикам было известно о ссылке Хун Лянцзи в Илийский край и его возвращении в 1800 г. Поэтому перевод не мог быть выполнен раньше этого времени. Верхняя граница — 1818 г. — обозначена на переплете, в котором в числе прочих материалов находится интересующий нас перевод²⁸.

В нашем распоряжении оказалось два китайских текста, опубликованных в «Сборнике докладов государственных деятелей правящей династии» и в «Собрании сочинений из кабинета Цзюаньши». Текст в целом совпадает, однако, имеются некоторые различия (иногда употреблены разные служебные слова, вместо одного иероглифа — его синоним). Текст в «Собрании сочинений» не размечен, после названия доклада указано, что это «тема экзаменационного сочинения, [написанного] 27 числа второго месяца [года] у-у» (т. е. 12 апреля 1798 г.), а в «Сборнике докладов» после названия указан лишь год: «третий год Цзя-цин». В докладе около трех с половиной тысяч иероглифов.

Ниже приведем перевод отрывка, завершающего доклад и оставшегося непереуведенным П. Каменским и С. Липовцовым ввиду того, что они не смогли найти полного текста доклада. Перевод

---

²⁸ К сожалению, мы не можем определить более точно время перевода доклада, хотя нам представляется важным знать, выполнен ли он учениками Пекинской духовной миссии между 1800 и 1808 г. либо переводчиками Азиатского Департамента коллежскими ассессорами. Возможно, знакомство с вариантом, хранящимся в АВГР, поможет уточнить этот вопрос. Отметим, что почерк скорее ученический, хотя перевод вполне зрелый. Это может свидетельствовать о том, что перевод выполнен в Пекине незадолго перед возвращением миссии в Россию.

выполнен нами по тексту, опубликованному в «Сборнике докладов».

«Когда одержана победа, тогда все [вплоть до] слуг и адъютантов присваивают себе жалованье солдат. Когда проиграно сражение, тогда хватают ни в чем не повинных людей, сгоняют их [с родных мест, многие] умирают на дорогах — так вот нерадиво исполняют они свои обязанности. И такое положение не только среди областных и уездных [чиновников]. Крупные чиновники [в канцеляриях] генерал-губернаторов, генералы и офицеры [в ставках] командующих [армиями] — все открыто делают то же самое. Стоит ли удивляться, что областные и уездные [чиновники] совершают те же проступки. Это третье [злоупотребление].

Единственно, что следует сделать, так это потребовать [от чиновников] усердного исполнения своих обязанностей. Чуский²⁹ губернатор должен охранять Чу. Юйский³⁰ губернатор должен охранять Юй. Шэньсийский губернатор должен охранять Шэнь. Хотя и нет нужды вести военные действия, охрана [вверенной территории] непременно должна быть удовлетворительной. Если говорить о Шэньси, то на востоке [провинции] имеется три прохода. Это заставы Угуань, Тунгуань, Пугуань. А на западе [провинции] расположены следующие три прохода: заставы Дачжэньгуань, Дасаньгуань, Логугуань. Вся территория провинции усеяна рядами высоких скал и опасных крутых обрывов. [В этих пунктах следовало] заблаговременно подготовиться к отпору. И прежде всего послать по сотне солдат охранять их. [Тогда] мятежники никоим образом не смогли бы пройти через заставу Угуань, войти в Цзяньгэ, вступить в Цзитоу, идти на Бао и Е. [Пройдя] с востока на запад, [они] опустошили огромную территорию [беспрепятственно], словно это были безлюдные земли. Тут дело не в том, что чиновники [из канцелярии] генерал-губернатора не знали географических преимуществ местности, а в том, что не были заранее устроены оборонительные укрепления.

Известно, что императорское правительство управляет Поднебесной лишь двумя основными мерами — поощрением и наказанием. Прежде усмиряли Цзиньчуань³¹ и Бирму³². Это было воз-

²⁹ Чу — старое название провинции Хубэй.

³⁰ Юй — старое название провинции Хэнань.

³¹ Районы Дацзиньчуань и Сюэцзиньчуань расположены по рекам тех же названий, притокам р. Дадухэ в северо-западной части Сычуани. Местные племена туботов оказали упорное сопротивление цинским войскам в 1747—1749, 1766 гг. В 1771—1776 гг. население этих районов нанесло ряд тяжелых поражений правительственным войскам. Особенно ожесточенно сопротивлялись жители Дацзиньчуани. Для покорения этих районов, население которых не превышало 30 тыс., маньчжуров воевали с ними несколько лет, истратив 70 миллионов лян и потеряв до 80 тыс. убитыми [19, с. 41, 46; 20, с. 559—560].

³² В 1768 и 1769 гг. многоотрядные армии маньчжуров вторгались в Бирму, пытаясь захватить столицу, но, потерпев неудачу, отступали с большими потерями. Император Цянь-лун запретил торговлю с Бирмой. Новый бирманский король,

можно потому, что ежедневно объявляли о подвигах. Награда и наказание строго различаются. Для поощрения необходимо иметь заслуги. Наказания не избежать прежними подвигами и знатным происхождением. Нынче уже несколько лет продолжается война. Пожаловано уже сотни тысяч павлиньих перьев³³, а натиск мятежников все мощнее и мощнее. Опустошенных ими земель все больше и больше. Так где же плоды подвигов [правительственных чиновников]? Генералы и офицеры оставляли свои посты и лагеря, покидали селения и деревни. [Правительственные войска] часто избегали встречи с авангардами мятежников. Вышние гражданские чины прилагают усилия лишь для того, чтобы скрыть свои промахи. Так кто же ответствен за преступления? Более того. Когда совершаются подвиги, награды получают не совершившие их, а совершивших подвиги казнят. Когда же совершают злодеяния, то вместо себя посылают на казнь невинных; а те, которые совершили проступок, еще более распоясываются. Поэтому я, подчиненный, считаю по поводу нынешних военных действий следующее: правительство должно награждать и наказывать [по заслугам]. Все любящие народ чиновники должны присягнуть в верности, а все подчиненные генерал-губернаторов должны охранять вверенные им территории. [Необходимо] уничтожить такой порок, когда верхи и низы обманывают, искоренить положение, когда сваливают вину друг на друга. Я, подданный, не верю, что при выполнении всего этого еретические секты не будут умиротворены. О чем я, подданный, почтительнейше докладываю» [45, с. 196—20а].

Приведенный выше доклад Хун Лянцзи представляется нам одним из интереснейших документов эпохи, иллюстрирующим, как конфуцианец-идеалист понимал свой долг советника государя. Воспользовавшись удобным случаем — квалификационными экзаменами, на которых среди прочих была предложена тема «Доклад о пресечении еретических учений», Хун Лянцзи честно и смело высказал свое беспокойство по поводу бедственного положения народа, притесняемого местными чиновниками. В докладе Хун Лянцзи ведет речь о современных ему событиях — восстаниях под

не желая терять торговые связи с Китаем, в 1788 и 1792 гг. снаряжал в Пекин посольства, в результате чего император, сочтя приезд послов выражением верноподданнических чувств, вручил им инвеституру [19, с. 41—42].

³³ Павлиньи перья и наверхия были знаками различия на головных уборах цинской аристократии. «У некоторых военных чинов и летний и зимний головные уборы украшались павлиньими перьями — *кунцяолин*. Эти перья были трех степеней, различавшихся количеством глазков: высшая степень — три глазка (*саньянь кунцяолин*), средняя — два глазка (*шуньянь кунцяолин*), низшая — один глазок (*кунцяолин*). Лишение глазка или всего пера было одной из форм наказания» [25, с. 63, 107].

руководством сект Белого лотоса и Восьми триграмм, начавшихся в 1796 г. в провинциях Хубэй, Сычуань и других. Однако он вынужден обратиться к фактам истории — восстаниям под руководством сект, имевшим место и в глубокой древности и в недавнем прошлом, для того чтобы показать на исторических примерах, что одной из причин мятежей являются пороки императоров, оскудение их силы дэ, попустительство незаконным расхитителям, захватившим реальную власть. Как тонкий политик Хун Лянцзи заявляет, что все это не имеет отношения к «преславнейшей Дайцинской династии», императоры коей мудры, прозорливы и человеколюбивы. Всю ответственность за тяжелое положение простого народа, вынужденного примкнуть к мятежникам, а также и самих мятежников, вынужденных взяться за оружие, чтобы защитить свою жизнь, Хун Лянцзи возлагает на местных чиновников низших и высших рангов, гражданских и военных. Они грабят, притесняют народ, сгоняют людей с насиженных мест, отнимают у них дома и имущество, оставляя их без пристанища и голодными. Они каждого «уличают последователем развратного учения», незаконно и жестоко преследуют их, истребляют, а затем посылают «реляции об одержанных победах» с означением «десятков тысяч побитых мятежников». Хун Лянцзи объявляет главной причиной мятежей «поместных чиновников» и призывает достойно наказывать уличенных в злодеяниях, наказывать и поощрять по заслугам, потребовать от поместных чиновников усердного и добросовестного исполнения своих обязанностей, искоренить обман и подкуп, перекладывание вины на других. Тогда не будет нужды вести военные действия, поскольку и сами мятежники и последователи разных сект не будут иметь причин к «неудовольствию на правительство», не будут подниматься на вооруженную борьбу. Говоря о трех главнейших злоупотреблениях «страноначальников», присваивающих рис, выдаваемый народу в голодные годы из государственных хранилищ, присваивающих жалованье солдат, получающих незаслуженные вознаграждения и чины и скрывающих истинное положение от императора, призывая строго ограничить поместных чиновников, пресечь производимые ими злодеяния, «которые в течении двадцати лет во сто крат увеличились пред прежними», Хун Лянцзи достаточно прозрачно намекает, как нам представляется, на деятельность могущественного временщика Хэ-шэня и его приспешников, фактически правивших страной в последние двадцать с лишним лет XVIII в. Хун Лянцзи возлагает ответственность за «несноснейшее» положение народа, вызвавшее волнения, на Хэ-шэня и его подручных, нигде, однако, не называя прямо любимца престарелого императора Цянь-луна: «Они, дерзновенно поправ священные права законов и во зло употребив возложенную на них сыном неба должность, по собственному произволению разоряют народ и доводят оный до отчаяния». Очевидным доказатель-

ством того, что Хун Лянцзи считал злоупотребления клики Хэ-шэня одной из основных причин, приведших страну к упадку, является и письмо, написанное честным чиновником примерно через полтора года после рассмотренного выше доклада, принесшего ему успех на экзамене.

Интересным представляется не только сам доклад, но и факт его перевода на русский язык. Чем и почему обратил он на себя внимание переводчиков — П. И. Каменского и С. В. Липовцова? Не связано ли это с духовной атмосферой, царившей в России в начале XIX в., перед восстанием декабристов (напомним, что перевод был выполнен между 1800 и 1818 гг.)? Не привлекла ли переводчиков смелость, с какой подданный обращается к императору? Возможно судьба Хун Лянцзи напомнила им судьбу кого-нибудь из обличителей самодержавия и крепостничества в России? Взять хотя бы современника Хун Лянцзи А. Н. Радищева (1749—1802), судьба которого очень схожа с судьбой Хуна. Сын помещика, воспитанник Пажеского корпуса, продолжавший образование в Лейпцигском университете, А. Н. Радищев провозгласил право угнетенных «ответить насилием на насилие» [5, с. 667]. В своей замечательной книге «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев разоблачил показное благополучие екатерининского режима. Екатерина II, лично занявшаяся его делом, заявила: «Он бунтовщик хуже Пугачева». Петербургская уголовная палата и Сенат приговорили Радищева к смертной казни. Императрица милостиво заменила смертную казнь ссылкой на 10 лет в Илимский острог в Сибири. После смерти Екатерины II ненавидевший мать император Павел вернул Радищева из ссылки в имение в Калужской губернии под строгий надзор властей. В 1801 г. Радищев был освобожден из-под надзора Александром I и назначен членом комиссии по составлению законов. Убедившись в том, что его надежда способствовать отмене крепостного права несбыточна, что он ничего не в силах сделать для блага народа, Радищев покончил с собой. Как видим, некоторые важные вехи в жизни Радищева напоминают судьбу Хун Лянцзи, если иметь в виду его обращение к императору с письмом, смертный приговор, замененный ссылкой, возвращение. А ведь переводчики знали, как это явствует из приписки к переводу доклада, что Хун Лянцзи пострадал из-за своего смелого критического выступления (правда, они ошибочно относили к докладу последствия, вызванные на деле письмом), был лишен чинов и сослан в Или. Освобождение Хун Лянцзи они объясняли смертью Цянь-луна и вступлением на престол Юн-яня, восстановившего справедливость, вернув ко двору чиновника, исполнившего долг истинного конфуцианца. Правда вскоре, как сообщают П. Каменский и С. Липовцов, император потребовал и получил бумагу, в которой Хун Лянцзи описал злоупотребления «первейших чинов при дворе и в столице находящихся» (здесь

речь идет явно о письме, точных сведений о котором переводчики не имели). В результате Хуну было приказано «жить праздно в собственном доме... и не мешаться более в дела правительства». Как видно из приписки, переводчики не были осведомлены о времени и обстоятельствах написания доклада, а затем и письма, ссылку в Или считали наказанием за доклад, а не за письмо. Осталась им неизвестной и истинная причина амнистии Хун Лянцзи, поскольку они не упоминают ни о засухе, ни о дожде, последовавшем за подписанием указа об амнистии. Поразительного сходства судеб Радищева и Хун Лянцзи, как мы уже говорили, невозможно не заметить, хотя мы далеки от мысли сопоставлять их место и роль в общественно-политической жизни и истории своих стран.

Что же представляет собой письмо, вызвавшее столь сильный гнев императора и послужившее причиной смертного приговора известному литератору и крупному чиновнику Хун Лянцзи? Само письмо не было опубликовано, поэтому некоторое представление о нем мы можем составить лишь по двум императорским указам, написанным специально по поводу интересующего нас письма.

Первый указ был обнародован 26 сентября 1799 г.³⁴, на четвертый день после подачи письма великому князю Чэну.

Император Цзя-цин напоминает в нем, что в первый месяц его фактического правления³⁵ был обнародован указ, в котором всем чиновникам в столице и на местах повелевалось высказать свое мнение по государственным вопросам, доложить об известных им случаях злоупотреблений, равно как и о достойных делах. Объявив, что он «широко открывает дорогу для высказываний», император призывал прямо, откровенно и без утайки говорить не только о государственной политике и благосостоянии народа, но и сообщать о чиновниках, виновных в служебных преступлениях³⁶. Далее император сообщал, что он всегда следовал мудрым советам, если таковые содержались в докладах сановников, имеющих право критиковать императора и подавать ему советы, а самих сановников награждал и повышал в должности. С тех пор прошло более полугода, было подано немало докладов, но ни в одном из них не содержалось критики в адрес самого императора, «все обращались ко мне, государю, с глубоким почтением и благоговением». Но вот «вчера члены военного совета представили письмо, которое Хун Лянцзи вручил через великого князя Чэна». Далее Цзя-цин выражает неудовольствие тем, что письмо написа-

³⁴ Или в 4-й год правления Цзя-цин, 8-ю луну, день *гуй-чоу*. Указ опубликован в [40, цз. 50, с. 40а—44а].

³⁵ Т. е. после смерти императора Цянь-луна, последовавшей 8 февраля 1799 г. Первый месяц 1799 г. начался 5 февраля.

³⁶ Очевидно, речь идет об указе, на который откликнулась группа цензоров, подавших доклад о злоупотреблениях Хэ-шэня и его приспешников.

но «языком, не соответствующим нормам», что оно «абсолютно лишено последовательности», что автор осмеливается судить о недоступном ему «глубоком и высоком». К тому же заблуждения автора письма достигли предела, все изложенное им бесосновательно, обвинения приведены «невыпадом». А главное — Хун Лянцзи, редактор второго разряда (*бяньсю*), посещавший императорский кабинет, написал частное письмо великому князю Чэну, да еще две копии его вручил сановникам Чжу Гую и Лю Цюаньчжи. Между тем, продолжал возмущаться император, Хун Лянцзи должен был изложить свое мнение в докладе и подать его лично ему или же через специальных, уполномоченных на то чиновников. В таком случае, хотя содержание его и оставалось бы столь же неверным, «лживым», объявляет император, он «не стал бы наказывать автора, а изложенное им внимательно изучил бы». Вместо этого Хун Лянцзи «разослал лживое письмо в разные места». «Разве же это искренность», — вопрошает император. Из императорского указа можно заключить, что Хун Лянцзи в своем письме призывал «следовать в первую очередь строгости и пронизательности императора Сяня³⁷, а затем уж — милосердию и гуманности императора Жэня³⁸». Хун Лянцзи был обеспокоен тем, что постепенно сокращаются аудиенции, на которых император занимается вопросами управления страной, что недостойные люди, «актеры и приближенные», вводят императора в заблуждение, что император пристрастен к целому ряду лиц (в письме они перечислены), благосклонен к высшим сановникам военного совета и многим другим сановникам, занимающим командные посты. Хун Лянцзи были известны, очевидно, какие-то неблагоприятные факты относительно императорского наставника, и он «просил разобраться» в них. Особенно интересно, что Хун Лянцзи перечислил чиновников, примкнувших к Хэ-шэню или угождавших ему, и требовал наказать их. Кроме того он выступил в защиту чиновников, несправедливо обвиненных. Император счел нужным оправдаться по поводу людей, «угождавших Хэ-шэню»: одни-де уже умерли (например, Сунь Шии, Доу Гуаннай, Ли Шоу), другие отстранены от активной деятельности (Цзян Цыци и Хань Жун), следствие по делу третьих (например, У Шэнциня) прекращено. Император напомнил опубликованный в начале года указ, в котором был утвержден приговор Хэ-шэню и решение не привлекать к ответственности всех «прилепившихся к Хэ-шэню». Поэтому нет нужды вновь производить расследование по делу лиц, названных Хуном и хорошо известных императору как приспешников бывшего временщика (например, У Шэнляня, Ху Чанлина, Ван Цзываня). В связи с обвинениями, выдвинутыми Хуном в адрес местных чи-

---

³⁷ Император Сянь правил под девизом Юн-чжэнь (1723—1735).

³⁸ Император Жэнь правил под девизом Кан-си (1662—1722).

новников, император останавливается довольно подробно на деле генерала Цинь Чэнъэня, который, как сообщал Хун, запер городские ворота и не пустил в город беженцев, искавших пристанища. Император пояснил, что Цинь Чэнъэнь был допрошен по этому делу. Кроме того были допрошены гражданские и военные чины провинции Шэньси. Все отрицали подобный факт. В результате, сообщает Цзя-цин, генерал был удостоен милости и освобожден, конфискованное имущество было ему возвращено. Учитывая преклонный возраст генерала и его прежние заслуги в войне против повстанцев, он получил повышение — ему была пожалована должность товарища министра. О чем и было объявлено в специальном указе. Император подчеркивает свое стремление к справедливости — все местные чиновники, совершившие те или иные проступки, могут быть казнены лишь в том случае, если будет доказано, что вина их достойна смерти. И даже в этом случае император не спешит казнить виновного, он милостиво смягчает приговор, и один из примеров тому сам Хун Лянцзи, продемонстрировавший «своеволие и злословие» и заслуживший тем самым суровое наказание.

В своем письме Хун Лянцзи выступил в защиту целого ряда чиновников, пострадавших во время господства Хэ-шэня: Ян Тяньсяня, Чэнь Даюна, Линь Чаосяна, Шэнь Чуньфа и др. В указе император заявляет, что Хуну нет нужды жаловаться на несправедливое обвинение этих людей. Дело Янь Тяньсяня, заявил император, давно ему известно. После дополнительного расследования, проведенного по его поручению генерал-губернатором Цзянсу Фэй Чунем, справедливость наказания (т. е. казни) Яня подтвердилась. Справедливо же, продолжает император, был признан виновным, снят с должности и наказан Чэнь Даюн. В противном случае «отчего же он не подал жалобы?» Точно так же и находящиеся в тюрьме Линь Чаосян и Шэнь Чуньфа. «Разве нуждаются они в том, чтобы Хун Лянцзи за них жаловался на несправедливое обвинение», разве не могут они сами подать жалобы?

Сочтя нужным защититься от обвинений Хун Лянцзи, император не преминул заявить о том, что он неустанно печется о делах страны и нуждах народа, регулярно знакомится с докладами трону, принимает по ним срочные меры, следит за порядком во дворце и управлениях и «ежедневно присутствует на аудиенциях». Это-де известно всем придворным, а слова Хуна — «вздор и клевета». Посему император повелел сместить Хун Лянцзи с должности и допросить. Военный совет совместно с министерством наказаний, расследовав обстоятельства дела и допросив арестованного, приговорил его к смертной казни по статье «чрезвычайное неуважение [к правилам и особе императора]». Поскольку, пишет император, он хотел услышать прямые и откровенные суждения чиновников и призывал их высказываться, то из-за слов Хуна он

не находит возможным казнить его, ибо не желает «прослыть государем, который казнил чиновника, осмелившегося высказаться» (т. е. выступить с критикой). А посему император «милостиво отменил смертный приговор» и повелел сослать Хун Лянцзи в Или под строгий надзор командующего пограничными войсками. Вместе с тем письмо, переданное великим князем Чэном, император решил оставить себе для памяти. Копии же письма, полученные позже от Чжу Гуя и Лю Цюаньчжи, император повелел вернуть им обратно и предоставить возможность поступить с ними по своему усмотрению — оставить у себя или уничтожить. Обо всех обстоятельствах данного дела император приказывал поставить в известность чиновников в столице и на местах [40, цз. 50, с. 40а—44а].

Как уже было сказано выше, весной следующего, 1800 г. в окрестностях Пекина стояла сильная засуха. Император принял обычные в таких случаях меры — были совершены молебны и жертвоприношения, объявлены амнистии, не приведшие, однако, к желанному результату. Тогда император вспомнил о Хун Лянцзи, «чиновнике, осмелившемся высказаться», и счел продолжавшуюся засуху небесным знамением, выражением недовольства наказанием чиновника, выступившего с критикой. Ведь еще со времен «Шу-цзина» известно, что «если среди всего его многочисленного народа есть [люди, умеющие] подавать советы... то [совершенный] правитель должен помнить о них» [6, с. 106]. В то же время Небо посылает счастливые и несчастливые предзнаменования: «Достойное [поведение правителя] символизируется своевременным дождем... Ошибки [правителя] символизирует непрекращающееся солнечное сияние; леность [правителя] символизируется непрекращающейся жарой» [6, с. 110]. Понятно, император Цзя-цин не хотел прослыть «недостойным» и «ленивым», совершающим ошибки правителем, нарушающим гармонию не только в своем государстве, но и в космосе в целом. Поэтому он решил устранить совершенную несправедливость, дабы восстановить нарушенную гармонию и обрести долгожданный дождь. Хотя Хун Лянцзи не пробыл в ссылке трех лет, необходимых для амнистии, император подписал указ о его освобождении и случилось так, что в тот же день после полудня полил обильный дождь. Этот, обнародованный 26 мая 1800 г.³⁹, указ, начинается заявлением императора о том, что следование советам, «словам» достойных сановников «издавна является основой благополучия и порядка», основой благополучного правления. Отказ от критики и совета, «увещания» свидетельствует, что «утрата добродетели велика»⁴⁰. «Я, государь, никогда не

³⁹ Или в 5-й год правления Цзя-цин, 4-ю вставную луну, день *и-мао*. Указ опубликован в [40, цз. 65, с. 2а—3б].

⁴⁰ «Потеря *дэ* влекла за собой неспособность к управлению, развал аппарата, нарушение мира в народе. Небо могло отреагировать на ошибочные действия

осмеливался представлять себя мудрым, покрывать или замазывать свои ошибки и недостатки. [Напротив, всегда] из множества советов беспристрастно отбирал наилучшие и использовал их... Стремился к одной лишь истине — только и всего.

Далее император напоминает о деле Хун Лянци, который в прошлом году решился выступить с критикой, «пожелал высказаться». Однако он «не подал сам доклад обычным порядком», а направил письмо великому князю Чэну, а также министрам Чжу Гую и Лю Цюаньчжи, совершив тем самым «безрассудный поступок», поскольку «направление доклада в частный дом квалифицируется как нарушение порядка». Прочитав письмо снова, император на этот раз нашел, что в нем «не содержится антиправительственных высказываний», напротив, оно преисполнено «искренней любви к правителю»⁴¹. Хун Лянци допустил, по мнению императора, понятную резкость, когда говорил, что «аудиенции императора несколько сократились» и «недостойные люди вводят в заблуждение», однако, рассуждения Хуна «раскрыли и оросили» сердце императора, критика призвала к бдительности. Поэтому император «держит справа от трона и постоянно просматривает» письмо. Вина же Хуна заключается лишь в том, что он «нарушил правила». Казнить из-за этого чиновника нет никакой необходимости — провозглашает Цзя-цин и напоминает о своей милости, замене смертного приговора ссылкой в Или. Однако после дела Хун Лянци, сетует император, «день ото дня становилось все меньше и меньше высказывающихся, а те, которые осмеливались высказаться, говорили лишь о повседневных служебных делах и вовсе не говорили о важных государственных делах, о добродетели правителя и страданиях народа». «Не из-за наказания ли Хун Лянци, — догадывается император, — все зажали рты, прикусили языки?» Он обеспокоен тем, что страх и молчание чиновников нанесет огромный ущерб его правлению, поскольку он не будет осведомлен о происходящих в стране злоупотреблениях. Посему император повелел оповестить всех чиновников в столице и на местах о том, что он «правитель, который не отвергает критики и не замазывает своих ошибок», что он «правитель, к которому можно обратиться с советом и критикой». А если «подданным посчастливилось иметь правителя, к которому можно обратиться с советом и критикой, но они этого не делают, [тогда налицо] великая утрата пути правителя», это уничтожает «настоячивые усилия императора к благоустроению». Желая исправить положение и вос-

---

монарха предостережениями — различными грозными или удивительными явлениями природы. Однако чтобы внять им и внести исправления в свою деятельность, необходимо было обладать все той же силой *дэ*... утратить *дэ* — потерять государство» [16, с. 24—25].

⁴¹ О категории «искренность» см. статью А. С. Мартынова в настоящем сборнике, а также в его книге [16, с. 45—46].

становить гармонию, император повелел тотчас послать Илийскому командующему пограничными войсками приказ освободить Хун Лянци и отправить его к месту жительства на родину. Кроме того, повелевалось об освобождении и возвращении Хун Лянци уведомить «обычным порядком» помощника министра церемоний Юеци⁴², дабы он «тщательно проследил» за выполнением запрета выезжать за пределы места рождения [40, цз. 65, с. 2а—3б].

Итак, доклад и письмо Хун Лянци, как нам представляется, прекрасно иллюстрируют, как истинный конфуцианец понимал свой долг и как он выполнял его, хорошо зная, что ему угрожает. В свою очередь императорские указы демонстрируют господствовавшие в то время в Китае официальные представления о характере императорской власти, о необходимости соблюдения гармонии как в государстве, так и в космосе в целом, о необходимости императору считаться с волей Неба в его взаимоотношениях с подданными.

1. Баоцзюаюэ о Пу-мине. Издание текста, перевод с китайского, исследование и комментарий Э. С. Стуловой. М. 1979 («Памятники письменности Востока», LVI).
2. Веселовский Н. И. Материалы к истории российской духовной миссии в Пекине. Вып. 1. СПб., 1905.
3. Воскресенский Д. Н. Человек в системе государственных экзаменов (тема и литературный герой в китайской прозе XVII—XVIII вв.).—История и культура Китая (сборник памяти академика В. П. Васильева). М., 1974, с. 325—361.
4. Воскресенский Д. Н. Экзаменационная система в период маньчжурской династии.—У Цзин-цзы. Неофициальная история конфуцианцев. Пер. Д. Н. Воскресенского. М., 1959.
5. Всемирная история. Т. 5. М., 1958.
6. Древнекитайская философия, собрание текстов в двух томах. Т. 1. М., 1972.
7. Ермаченко И. С. К характеристике государственного аппарата Цинской империи в период завоевания Китая.—Маньчжурское владичество в Китае. М., 1966.
8. История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
9. Каменский П. И. Большой русско-китайский словарь.—Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР, ф. 24, оп. 1, № 1.
10. Каменский П. И. Журнал, веденный в Пекине на случай прибытия из России посланника Николая Гавриловича Спафария...—Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР, ф. 24, оп. 1, № 10, л. 1—33.
11. Каменский П. И. Отпуска писем, записи и дневники за 1832—1833 гг.—Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР, ф. 24, оп. 1, № 13.
12. Каменский П. И. Падение Минской и начало Маньчжурской в Китае царских династий, или жизнь изменника Лидзычина.—Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР, ф. 24, оп. 1, № 11.
13. [Каменский П. И. и Липовцов С.] Каталог китайским и японским книгам в библиотеке императорской Академии наук хранящимся, по препоруче-

⁴² Юэци Юеци, второе имя Сяоин — знатный маньчжур. Получил степень *цзюйжэня* в период правления Цянь-лун, при императоре Цянь-дине занимал пост правого помощника министра церемоний [46, с. 238].

- нию господина Президента оной Академии С. С. Уварова, вновь сделанный государственной коллегии иностранных дел переводчиками коллежскими асессорами Павлом Каменским и Степаном Липовцовым. СПб., [1818].
14. Каменский П. и Липовцов С. Краткое начертание предубеждений китайцев к самим себе, ложном мнении их о всех прочих народах и о нынешнем положении китайского двора, сочиненное гг. Каменским и Липовцовым. 1818.— Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР, ф. 24, оп. 1, № 26.
  15. Липовцов С. В. История династии Дай-Мин. Переведена с китайского языка переводчиком Степаном Липовцовым. 1807.— ЛО Архива Академии наук, р. II, оп. 1, № 39.
  16. Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII—XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1978.
  17. Миротворцев В. Материалы для истории Пекинской духовной миссии.— «Православный собеседник». 1888, сентябрь.
  18. Можаровский А. Архимандрит Петр Каменский, начальник десятой Российской-императорской миссии в Пекине.— «Русская старина». 1896, № 2—4.
  19. Новая история Китая. М., 1972.
  20. Очерки истории Китая. Под ред. Шан Юе. М., 1959.
  21. Петров В. В. К вопросу о периодизации истории китайской литературы XIX—начала XX в.— Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1977.
  22. Поршнева Е. Б. Подъем антиманьчжурского движения в Китае под руководством тайных обществ (конец XVIII—начало XIX в.).— Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
  23. Поршнева Е. Б. Учение «Белого лотоса» — идеология народного восстания 1796—1804 гг. М., 1972.
  24. Скачков П. Е. Очерки истории русского Китаеведения. М., 1977.
  - 24а. Стулова Э. С. Конфуцианские представления о долге чиновника и воле Неба во взаимоотношениях императора и подданных.— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годовичная научная сессия ЛО ИВАН СССР (доклады и сообщения), декабрь 1978. Ч. 1. М., 1979.
  25. Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М., 1975.
  26. Фишман О. Л. Китайский сатирический роман. М., 1966.
  27. Фишман О. Л. О политике Цинов в области идеологии.— Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966.
  28. [Хун Лянцзи]. Доклад о пресечении мятежей, произведенных последователями разных сект, поднесенный императору Цянь луну ученым китайским чиновником Хун Лянь дзием.— Архив востоковедов ЛО ИВАН СССР, ф. 24, оп. 1, № 11.
  29. Chang Chung-li. The Income of the Chinese Gentry. A sequel to the Chinese Gentry: Studies on Their Role in Nineteenth Century Chinese Society. Seattle, 1962.
  30. Chang Chung-li. The Chinese Gentry. Studies on Their Role in Nineteenth Century Chinese Society. Seattle—Washington, 1955.
  31. Ch'en Shou-yi. Chinese Literature. A History Introduction. N. Y., 1961.
  32. Eminent Chinese of the Ch'ing Period (1644—1912), ed. by A. W. Hummel. Vol. 1—2, Wash., 1943—1944.
  33. Fairbank J. K., Teng S. Y. On the Types and Uses of Ch'ing Documents.— Ch'ing administration. Three Studies. Cambridge, Mass., 1960.
  34. Franke W. The Reform and Abolition of the Traditional Chinese Examination System. Cambridge, Mass., 1960.
  35. Liang Ch'i-chao. Intellectual Trends in the Ch'ing Period. Cambridge, Mass., 1959.
  36. Lung C. F. A Note on Hung Liang-chi the Chinese Malthus.— «T'ien Hsia Monthly». Vol. 1, № 3. Shanghai, 1935.
  37. Nivison D. S. Ho-shen and His Accusers: Ideology and Political Behaviour in the Eighteenth Century.— Confucianism in Action. Stanford, Cal., 1959.

38. Shih V. Y. C. Some Chinese Ideologies.—«T'oung Pao». Vol. 44, 1956, livr. 1—3.
39. Teng Ssu-yü, Biggerstaff K. An Annotated Bibliography of Selected Chinese Reference Works. Cambridge, Mass., 1971.
40. Дай Цин ли чао ши лу. Жэнь цзун чао (Хроника великой династии Цин по царствованиям. Царствование Жэнь-цзуна). Цз. 50, 65. Токио, 1937.
41. Дун Цзобинь. Чжун го нянь ли цзун пу (Хронологические таблицы китайской истории). Т. 1—2. Гонконг, 1960.
42. Тань Чжэньби. Чжун го вань сюе цзя да цы дянъ (Большой словарь китайских литераторов). Шанхай, 1934.
43. Хун бэй цзян сянь шэн нянь пу (Хронобиография господина Хун Бэйцзяна). Сост. Люй Пэй и др. Шанхай, 1936 («Сы бу бэй яо». Т. 251).
44. Хун Лянцзи. Чжэн се цзяо шу (Доклад о пресечении еретических учений), Шанхай, 1936 («Сы бу бэй яо». Т. 251).
45. Хун Лянцзи. Чжэн се цзяо шу (Доклад о пресечении еретических учений).— Хуан чао цзин ши вань бянь (Сборник докладов государственных деятелей правящей династии). Цз. 89, Шанхай, 1892.
46. Морохаси Тэцудзи. Дай кан-ва дзитэн (Большой китайско-японский словарь). Т. 4. Токио, 1960.

СОДЕРЖАНИЕ

О. Л. Фишман. Некоторые проблемы традиционной китайской идеологии	5
А. С. Мартынов. «Искренность» мудреца, благородного мужа и императора	11
Ю. Л. Кроль. Проблема времени в китайской культуре и «Рассуждения о соли и железе» Хуань Куаня	53
<u>Б. Б. Вахтин</u> , Поэт в китайской традиции	128
О. Л. Фишман. О традиционных китайских представлениях в сборниках художественной прозы XVII—XVIII вв.	180
Э. С. Стулова. Даосская практика достижения бессмертия	230
Э. С. Стулова. Доклад цинского чиновника императору	271